

Я понимаю, что прогресс дошёл до невиданных небес, но я не могла отделаться от впечатления, что снимается кино. Фотографы заняли удобные позиции, операторы поставили камеры на треногу и откуда-то взялся в администрации президента оператор «Интера» с профессиональной камерой — как его туда пустили, да ещё и на выгодные позиции? И, когда все были на местах, прозвучала команда: мотор! И откуда ни возьмись, как белый роаль в кустах, появился экскаватор, выкрашенный в цвета национального флага, его же надо было как-то провезти по центру, который уже был частично перекрыт?

24 марта. Вчера проспала и опоздала, прибежала, а возле памятника уже никого. Завтра пойду после работы, пачку соли купила, это такой простой способ — взять её в пакет с ручками и, если что, отбиваться. Следов не оставляет, бьёт больно, но не смертельно. Буду бдительной, но если шо, пострадала за нашу и вашу свободу.

24 марта. Война войной, а обед по расписанию, как сказал Фридрих Вильгельм I.

Я сейчас вся в бычках и паутине, перепачканная краской.

Короче, время засекала: один час — три дерева на очень твёрдой почве. Нормально, весна впереди, даже если будут только сочувствующие только на словах, всё равно можно много успеть. Надо только саженцев по обочинам наковырять. Я начала отвоёвывать своё

жизненное пространство и право на чистую пешеходную дорожку и опрятный газон. Проблема в том, что по новым правилам газонем считается место, где засеяна трава. Засеем — не беда!

Ковыряюсь я с нашим испоганенным чернозёмом вперемешку со строительным мусором в нём, в ушах ваша «Королева индейцев», злость на твёрдый грунт, но я ему всю обиду за наших военных в Крыму туда втоюживаю.

Вот он, мой Майдан!

Иду уставшая, рядом под соседним подъездом мужики-пенсионеры. Ору: «Мужики! Хоть какая-нибудь будет от вас польза, если будете шуметь и гонять, если вдруг на деревья кто-то посягнёт».

Пошумела, душу отвела, ща пойду по магазинам, а то русскоязычные младенцы закончились на завтраке...

26 марта. Сегодня была на митинге после работы, аж замёрзла, днём было +18, а вечером холодно. Зря соль таскала в сумке, 1,5 кг в пачке. Реально страшно. Нет, я не нагнетаю, но всё равно.

Допкин подался в президенты. Это сюрреализм какой-то.

26 марта. Одно я хочу сказать, Путин добился своего, как Юлий Цезарь, он всех нас рассорил, а мы кушаем это большой ложкой, каждый со своей правдой.

Был старый голливудский фильм «Центурионы», не могу найти источник, там была хорошая фраза: «Вы воюете не с тем».

28 марта. Я помню, как мы выхаркивали развал СССР, но тогда хоть договорились о чём-то три стороны, и все бумажки мы переводили постепенно, паспорта меняли лет 10. А сейчас в Крыму всё настолько скоропостижно делается, как боятся, что чего-то не успеют.

29 марта. Помню мама моя как-то прибежала и, размахивая кулаками по поводу то ли Эстонии, то ли Латвии, прокричала возмущённо: «Независимости они захотели, нам нужен выход к Чёрному морю!» Я говорю: «Ма, ну глянь на себя, ну зачем тебе ещё и выход к морю?»

Она возмутилась, как это так я её не поддерживаю: «Это завоевания Петра!»

Отвечаю: «Так завоевания Петра — это «окно в Европу прорубил» чуть севернее».

Короче, с неделю со мной не разговаривала.

30 марта. А я перехожу на режим жизни рядовой израильтянки. Подруга моя, у неё дочь в Израиле, увидела в интернете, шо Израиль обстреляли ракетой — волосы дыбом, тут же набирает дочь, а та ей так спокойно: «Ну мам, ну тут ракета туда, ракета сюда — это каждый день происходит, мы уже не замечаем». Нельзя же всё время жить в ожидании, хотя внутри спокойствия нет.

Так шо на улице нулевая температура, сажать нельзя, займусь домом.

Подготовила Юлия Николенко